

О.А. Патрикеева

Курсистка или вольнослушательница Университета: выбор россиянок в начале XX столетия

Рассматриваются причины и условия возникновения в Российской империи высших женских курсов, специальных женских институтов и т.п. Подробно анализируются причины стремления россиянок к университетскому образованию, несмотря на наличие в стране высших женских курсов и женских институтов.

Ключевые слова: «женский вопрос» в России, высшее женское образование в Российской империи, высшие женские курсы, вольнослушательницы университетов, курсистки, совместное обучение.

Проблемы высшего женского образования в России начала XX в. неизменно привлекают внимание исследователей. К настоящему времени достаточно подробно изучена общественно-политическая ситуация в российском обществе на рубеже веков и ее влияние на состояние университетской жизни того времени, государственная политика в отношении высшего женского образования, деятельность высших женских курсов, общие причины, побуждавшие женщин получать высшее образование, биографии активисток, стоявших у истоков женского высшего образования у нас в стране [2, с. 292–324; 6, с. 117–129; 22, с. 52–54; 23; 25, с. 46–64]. Однако остаются вопросы, требующие более детального рассмотрения. В частности, причины стремления россиянок к университетскому образованию, несмотря на наличие в стране высших женских курсов и женских институтов.

Как известно, Уставы Императорских Российских университетов 1863 и 1884 гг. воспрещали обучение женщин в университетах. Чтобы как-то удовлетворить потребность женщин в более качественном образовании, по инициативе передовой общественности стали создаваться специальные женские курсы и институты. Первое российское высшее учебное заведение для женщин (курсы профессора Герье) появилось в Москве в 1872 г. В 1876 г. высшие женские курсы открылись в Казани, в 1878 г. – в Петербурге и Киеве. В 1903 г. в столице был открыт первый женский педагогический институт. К началу XX в. в Российской империи действовало 25 подобных учебных заведений. По мнению современников, «... высшее женское образование было сбито таким образом с естественного пути развития на ложную дорогу и пошло к учреждению специальных женских высших учебных заведений» [28, с. 8].

В 1901 г. министр народного просвещения П.С. Ванновский заявил о намерении пересмотреть действовавший университетский устав 1884 г. Декларация министра породила в рядах сторонников высшего женского образования надежды на то, что наряду с прочими назревшими вопросами переустройства университетской жизни будет решена и проблема женского университетского образования. В либеральной печати стали регулярно публиковаться обращения к правительству с просьбой допустить женщин в университеты. Одновременно активизировались и противники женского равноправия. Так, много шума наделала статья известного консервативного публициста и издателя

В.П. Мещерского, категорически возражавшего против приема «баб» в университеты [4].

В начале XX в. поворотным событием в истории высшего женского образования в России явилась революция 1905–1907 гг. В это время «женский вопрос» ставился либерально-демократической общественностью в один ряд с насущными политическими требованиями. Более того, сторонники женского равноправия полагали, что именно в области просвещения оно достижимо в первую очередь. «Есть такие стороны женского вопроса, которые и теперь уже настолько выяснены, что никаких затруднений в практической реформе быть не может. Сюда относится, например, вопрос о женском образовании», – писал профессор Московского университета В.М. Хвостов [27, с. 20].

Уже осенью 1905 г. российские университеты наряду со студентами-мужчинами стали принимать и женщин-вольнослушательниц. 10 октября 1905 г. на заседании Совета Санкт-Петербургского университета было принято положение о возможности приема женщин вольнослушательницами при условии достаточного образовательного ценза. В 1905 г. для женщин, желавших посещать занятия в государственных высших учебных заведениях, вводились дополнительные экзамены. Так, для поступления на любой факультет Санкт-Петербургского университета требовалось сдать экзамены по математике и латинскому языку, при приеме в Санкт-Петербургский политехнический институт – по физике и математике.

В начале 1906–1907 учебного года женщины приступили к занятиям во всех российских университетах, кроме бездействовавшего Варшавского. Учебных мест для женщин выделялось недостаточно: обычно конкурс на одно место в университете среди них был в 3–4 раза выше, чем у мужчин.

Почему же россиянки предпочитали Университет высшим женским курсам и институтам? Каковы были условия обучения девушек-курсисток? Что вызывало их особенное недовольство? Ответить на все эти вопросы помогают воспоминания, письма, дневники бывших курсисток и вольнослушательниц университетов, а также данные статистических исследований, проводившихся среди российской учащейся молодежи в начале XX в.

Многие курсистки отмечали неустойчивость существования высших женских курсов. Популярная в те годы писательница и журналистка А.В. Тыркова вспоминала о своей «курсовой жизни»: «...Что-то в ней было недоделанное, отрывистое, ненадежное. Вот придет сердитый сторож с метлой и выметен всех нас вон» [24, с. 203]. О том же писала и бывшая «бестужевка» П. Н. Ариян: «Высшие женские курсы напомина-

ли настоящего “ваньку-встаньку”. Они то падали, то поднимались, опять падали, опять поднимались...» [20]. Так, в 1886 г. в условиях политической реакции прием курсисток во все женские высшие учебные заведения Российской империи был приостановлен и возобновился лишь в 1889 г.

Крайней нестабильностью отличалось и материальное положение высших женских курсов. «Женские высшие учебные заведения сильны морально, но по обеспеченности преподавательскими силами и в особенности по обилию учебно-вспомогательных пособий они в сильной мере уступают университетам», – отмечали современники [30, с. 5]. Высшее женское образование существовало на средства и по инициативе самого общества. К примеру, знаменитые Бестужевские курсы были обязаны своим благополучием прежде всего «массе дарового труда и неизменно горячего отношения к делу профессоров, готовых на всякие жертвы ради преуспевания дела» [1, с. 128]. Когда в связи с событиями первой русской революции все высшие учебные заведения Российской империи почти на год прекратили свою работу (октябрь 1905 г. – сентябрь 1906 г.), это обстоятельство тяжело отразилось на финансовом положении курсов. Если государственным учебным заведениям понесенные убытки были возмещены из казны, то высшим женским курсам приходилось самим изыскивать недостающие средства. Плата за обучение на женских курсах нередко превышала стоимость обучения в университетах. Так, самым дорогостоящим было обучение в столичных университетах – Санкт-Петербургском и Московском – 75 руб. в полугодие, в других университетах – 50 руб. Обычная же плата за обучение на высших женских курсах составляла от 40 до 70 руб. за полугодие.

Между тем, большинство российских курсисток постоянно испытывало крайнюю нужду в средствах. По данным статистических исследований, более 40% курсисток «питалось исключительно 5-ти копеечным супом и кашей» [16, с. 75]. А 12,7% учащих девушек вообще не имели ежедневного обеда [10, с. 74].

Курсистки часто указывали на «неудобство и разбросанность» помещений курсов [29, с. 12]. Вот как описывает одна из девушек условия, в которых проходили занятия на посещаемых ею женских курсах. За неимением собственного помещения это учебное заведение было вынуждено арендовать днем здание ночного клуба, и слушательницы, являясь утром для занятий, «находили там страшный беспорядок: раскрытые карточные столы, бутылки от вина, атмосферу, пропитанную табаком и спиртом, сонных служителей». Подходящей мебели для занятий не хватало, и курсисткам приходилось «записывать за профессорами, стоя перед стульями на коленях...» [14, с. 172].

Критиковали девушки программу и организацию учебного процесса на женских курсах и в женских институтах. Неслучайно среди вольнослушательниц университетов было немало тех, кто уже окончил высшие женские курсы [6, с. 95]. «Год на историко-филологическом не удовлетворил, – высказывала типичное мнение одна из “бестужевок”, – создалось впечатление, будто ходишь на лекции, как на развлечение: не было серьезной работы» [10, с. 78].

Многие из опрошенных указывали на отсутствие на курсах научных школ и традиций. По их глубокому убеждению, ученый, профессор, преподававший на высших женских курсах, как правило, не имел «тесных духовных связей с учащимися», среди которых не было его преемников. «...Преемственность научной работы, творчества мысли – все, что так мощно-влиятельно в университете – слабо или вовсе не представлено на курсах, где только учатся», – указывали девушки [9, с. 2]. Огромный недостаток всех женских курсов – «отсутствие систематичности в занятиях при постоянно меняющемся составе слушателей» [11, с. 8]. С этими выводами соглашались сами профессора и преподаватели. «В университете и на высших курсах иногда преподавателями являются одни и те же лица, но последние в силу известных причин смотрят на свои занятия на курсах как на дело побочное», – отмечал приват-доцент Петербургского университета А.Н. Щербина [30, с. 6].

Удостоверения, выдаваемые женскими курсами, не давали их обладательницам никаких прав, поскольку не были признаны официально. В 1902 г. петербургский градоначальник постановил выселить из столицы еврейку по национальности Д. Рафайлович, окончившую Бестужевские курсы, утверждая, что данное обстоятельство не дает ей право проживать вне черты еврейской оседлости. Решение столичного градоначальника поддержали министр просвещения Г.Э. Зенгер и министр внутренних дел В.К. Плеве, заявившие, что высшие женские курсы – «частное учебное заведение, не принадлежащее к числу высших учебных заведений» и что «наименование “высшие” указывает лишь на их более высокий уровень по сравнению с женскими гимназиями» [8, с. 163]. Лишь восемь лет спустя, 30 мая 1910 г., Бестужевские курсы, наконец, были признаны высшим учебным заведением.

Таким образом, все усилия, все лишения и затраты, понесенные женщинами для получения высшего образования, были потрачены впустую: женщины оставались бесправными. «Подобное положение было нетерпимо не только по отношению к самим женщинам, так как лишало их возможности воспользоваться плодами трудов своих, но и для государства, ибо без всякой нужды ограничивало для него выбор людей, которые

по своему умственному развитию могли принести ему пользу во всевозможных отраслях деятельности», – констатировали представители передовой общественности [19, с. 25]. «Все, что до сих пор называлось “высшим женским образованием”, оказывается недостаточным, тусклым, бесцельным почином, напоминающим спитый чай с обильным подслащиванием, особенно в сравнении с высшим образованием юношей», – с горечью отмечали современницы [26, с. 149].

Итак, несмотря на наличие специальных женских высших учебных заведений, россиянки мечтали учиться в университетах. Прежде всего Университет привлекал их возможностью совместного обучения с мужчинами. В начале XX в. эта проблема живо обсуждалась в российском обществе, в Государственной думе, на страницах газет и журналов. «... Совместное обучение в высших учебных заведениях должно разрушить столь возмутительный взгляд учащейся молодежи на женщин, – настаивали активистки женского движения. – Юноши будут постоянно убеждаться, что женщины не уступают им по уму, знаниям, талантам, не ниже их в нравственном отношении» [15, с. 34].

Между тем эта идея вызывала сильнейшее противодействие со стороны правительства и консервативной части российского общества. Так, С.Ю. Витте, премьер-министр России в 1905–1906 гг., считал, что совместное обучение молодежи – лучший способ «вконец революционизировать» высшую школу, поскольку, по его мнению, женщины – «главные носительницы и вдохновительницы разрушительных идей» [22, с. 100]. А по уверениям правой прессы, присутствие женщин в университетах неминуемо вело к разврату и порче нравов в студенческой среде. («Университет становится ...выставкой декольтированных фей, но не храмом науки» [17, с. 37]).

Выдвигались и традиционные возражения против приема женщин в университеты. В начале XX в. многие российские обыватели по-прежнему считали, что женщина не должна стремиться к высшему образованию, поскольку такое образование отвлекает ее от прямых и естественных обязанностей жены, матери и хозяйки дома. Кое-кто продолжал уверять, что женщина обладает иными свойствами ума, и высшее образование ей попросту недоступно. «Над девушкой, читающей серьезную книгу, посещающей лекции, ищущей занятий, насмеялись, против нее восставали близкие, родная семья», – с грустью вспоминала П.Н. Ариян [20].

Противники высшего женского образования также утверждали, что в российских университетах нет свободных мест и их якобы не хватает даже студентам-мужчинам. По уверениям представителей консервативных кругов, прием женщин-вольнослушательниц приводил к «крайнему

переполнению» студенческих аудиторий и был выгоден, в первую очередь, профессорам этих университетов, поскольку «увеличивал их гонорар и доставлял дешевую популярность» [12]. А по данным журнала «Женский вестник», в 1910 г. в российских университетах насчитывалось 2 258 свободных мест: из них более 700 – в Петербургском университете [8, с. 162]. Сами же представители университетских кругов считали, что «иной малоспособный, интересующийся лишь получением диплома и небрежно относящийся к делу студент занимает место талантливой, беззаветно преданной научной работе слушательницы» [30, с. 5].

Обучение девушек в российских университетах продлилось недолго. 1 января 1908 г. министерство народного просвещения возглавил «человек стойких консервативных убеждений» А.Н. Шварц. Уже 16 мая 1908 г. вышел его циркуляр «Об условиях приема в студенты и вольнослушатели университетов и других высших учебных заведений», который воспретил прием в университеты «лиц женского пола». Это распоряжение широко обсуждалось в российской печати, на заседаниях Государственной думы. В защиту женщин-вольнослушательниц выступали видные общественные и государственные деятели. «Всякому, кто состоит не в штатах министерства просвещения, – писал в заметке с красноречивым названием «Непоправимо затхлое ведомство» знаменитый нововременский публицист В.В. Розанов, – а кто непосредственно живет в обществе и осязательно видит занятия молодых людей, несомненно, что студентки занимаются куда старательнее студентов, что пропуски лекций, проделки на экзаменах здесь не встречаются или составляют редкое исключение» [13]. Своего сотрудника горячо поддержал редактор и владелец газеты «Новое время» А.С. Суворин: «Я бы стал восставать против Высших женских курсов, совершенно бесцельных, где ничему не учатся, но не против допущения студенток» [18, с. 33].

В защиту своих учениц выступили и выдающиеся ученые, профессора и преподаватели высшей школы. По инициативе известного правоведа, преподавателя юридического факультета Санкт-Петербургского университета В.М. Гессена, редакция журнала «Союз женщин» разослала профессорам ведущих российских университетов анкету с просьбой ответить на следующие вопросы: «1) Достаточно ли научная подготовка вольнослушательниц к усвоению университетских лекций? 2) Проявили ли вольнослушательницы в период обучения необходимую работоспособность? 3) Каковы результаты их проверочных испытаний и практических работ? 4) Считаете ли Вы требование женщин о допущении их в Университет целесообразным и законным?» [3, с. 4].

Заполненные опросные листы вернули 198 человек. Все без исключения профессора очень лестно отзывались о вольнослушательницах. Отмечались аккуратность девушек в посещении занятий, их «поразительная добросовестность», «благоговейное отношение к науке», «более интенсивное стремление к работе, чем у студентов» [28, с. 8]. Мнение большинства профессоров российских университетов было единодушным: стремление женщин в университеты вполне законно и обоснованно. Высшие женские курсы не могут заменить университет: «они понижают общий уровень высшего образования в стране» [Там же, с. 9].

Под давлением общественности, социально-экономической конъюнктуры правительство с явной неохотой время от времени все же шло на некоторые уступки в области высшего женского образования. В январе 1910 г. были опубликованы «Временные правила о допущении к экзаменам в испытательных комиссиях при университетах посторонних слушательниц университетов, коим по Высочайшему повелению 29 октября 1908 года разрешено закончить начатое образование». А 19 декабря 1911 г. вышел закон, согласно которому выпускницам тех негосударственных женских курсов, чьи программы официально признавались равнозначными университетским, разрешалось проходить «окончательные испытания» в государственных комиссиях при университетах наравне с выпускниками-мужчинами. Выдержавшие экзамен вчерашние курсистки получали диплом и звание и могли пользоваться «всеми правами и преимуществами, предоставляемыми дипломами соответствующих мужских учебных заведений, кроме прав служебных и сословных». Закон от 19 декабря 1911 г. стал значительным шагом вперед в деле разрешения женского вопроса в России. Однако он так и не позволил женщинам стать полноправными студентками, не предоставил им и равных с мужчинами гражданских и политических прав.

Библиографический список

1. Ариян П.Н. История возникновения высших женских курсов // Первый женский календарь на 1899 год. СПб., 1899.
2. Вахромеева О.Б. Высшее женское образование в России и Санкт-Петербургский университет во второй половине XVIII – начале XX столетия // Празднование 275-ой годовщины основания Санкт-Петербургского университета: документы и материалы. СПб., 2003.
3. Гессен В. М. О вольнослушательницах высшей школы // Союз женщин. 1908. № 5–6.
4. Гражданин. 1901. 11 октября.
5. Гусельщиков М. Из студенческой анкеты // Русское богатство. 1910. Кн. 6.
6. Ершова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988.

7. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.
8. Иванова З. С. Жизнь и министерство народного просвещения // Женский вестник. 1910. № 9.
9. Кальманович А. Все то же... // Союз женщин. 1909. № 7–8.
10. Кауфман А.А. Русская курсистка в цифрах: по данным переписи, произведенной на Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах 15 ноября 1909 г. // Русская мысль. 1912. Кн. 6.
11. Мерхелевич Е. Идея совместного обучения в истории нашей школы и ее политическое значение // Союз женщин. № 3.
12. Новое время. 1908. 17 декабря.
13. Новое время. 1908. 19 мая.
14. Покровская М.И. Женщины в русских университетах // Женский вестник. 1908. № 7–8.
15. Покровская М.И. О допущении женщин в русский университет // Женский вестник. 1911. № 2.
16. Покровская М.И. Современная русская женщина // Женский вестник. 1910. № 3.
17. Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914.
18. Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине // Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913.
19. Ропп А.Н. Что сделала Третья Государственная Дума для народного образования? СПб., 1912.
20. Рукописный отдел Института русской литературы и искусства Российской академии наук. Ф. 117. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
21. Тишкин Г.А. Петербургские профессора и женское образование // Русская культура и высшая школа: тезисы межвузовской научной конференции, посвященной 75-летию Санкт-Петербургской государственной академии культуры, 20–23 дек. 1993 г. СПб., 1993.
22. Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М., 1997.
23. Тыркова А.В. Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915.
24. Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Воспоминания. М., 1998.
25. Фортунатов А.Ф. Зачем люди идут в высшую школу // Вестник воспитания. 1910. № 7.
26. Фукс Е.В. Совместное воспитание обоих полов // Женский вестник. 1907. № 5–6.
27. Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1906.
28. Чехов Н.В. Женщины в университете // Союз женщин. 1907. № 5.
29. Щепкина Е.Н. Из жизни Высших женских курсов // Союз женщин. 1907. № 4.
30. Щербина А.Н. О допущении женщин в университет // Женское дело. 1910. № 41–42.